

Искать В человеке человека

Гастроли Клайпедского драматического театра в Вильнюсе привлекли многочисленных зрителей. Мы встретились с уже знакомыми актерами, познакомились с молодыми.

Сегодня мы представляем вам одну из актрис этого театра Элену Гайгалайте.

БУДТО сегодня, вижу: на школьной сцене славный гайларовский Тимур со своей командой. Затаив дыхание, ловлю каждое его слово и вся горю желанием играть. И играла! Мы в школе поставили почти всего Островского. А с пьесой Ю. Балтушиса «Поют петушки» наш драмкружок выступал в Каунасе. Кроме того, я увлекалась спортом и не хотела отказываться от него: в 1951 году на республиканской спартакиаде школьниц стала чемпионкой по шахматам, а несколько лет спустя — вице-чемпионкой среди взрослых. Я играла и в баскетбол, и в волейбол, но самое большое мое желание было играть на сцене.

Сейчас я думаю: хорошо, когда у человека еще в юности есть своя мечта. Возможно, поэтому в 1953 году на театральном факультете консерватории я не испугалась конкурса: пробовало счастья около ста девушек, а приняли лишь четырех. Я была твердо убеждена: меня примут, ибо передо мной парила моя Синяя Птица — мечта. Я не знаю, как бы я жила без нее, как бы сложился мой жизненный путь. Честное слово, не знаю...

А за свою Синюю Птицу я благодарна одному человеку — учительнице Кайшядорской средней школы Э. Иокубайте. Это она от всей души, не жалея ни сил, ни времени, песновала в сердцах своих учеников любовь к театру. Поощренные ею, а затем учителями И. Сидарайте и К. Сидарасом, путь актера избрали еще две кайшядорские девушки — В. Марчинскайте и Н. Сабулите.

Верить в человека, искать в нем зародыши добра — это кредо моей актерской работы и моей жизни. Люблю путеше-

ствовать, люблю встречаться с людьми — и всюду в человеке ищу человека. Я не всегда доверяю скоропалительным оценкам человека: «грубый, жестокий, распущенный, эгоист». Для меня бывает большим праздником, когда убеждаюсь, что человек, которого все считали жестким, может быть ласковым, а эгоист вдруг оказывается способным на благородство. Я верю, что ничто не может заглушить добро, нужны лишь обстоятельства, в которых человек мог бы раскрыться.

На сцене то же самое. Мне наиболее дороги те роли, где характер персонажа не лежит на поверхности, где герой раскрывается не сразу. На всю жизнь запала в сердце небольшая эпизодическая роль Дуси в пьесе Л. Молюгина «Старые друзья». Война, фронт. Дуся — солдат. Отважная, прямолинейная, ее все боится. А в глубине души она добрая, нежная. Или «Влюбленный лев» Ш. Делейни. Я играла Кит. Она любительница выпить, скандалистка. Помню сцену. Отец цитирует статью из газеты: Кит за учиненный скандал в публичном месте наказана в 27-й раз. Мне никак не удавалось передать душевное состояние своей героини, пока я в душе не рассердилась на всех. Вы только нападаете на Кит, кричите — она такая, она всякая, а не вникните: почему она такая? Что ее толкнуло на этот путь? Тогда Кит показала мне совсем другим человеком, драматической личностью, которая, будучи не в силах бороться с окружающим ее лицемерием, ложью, ищет своего рода «успокоения». Осознав причины падения Кит, я трактовала ее экстравагантные выходы как позу, и образ этот стал более теплым, человече-

вым, двухплановым. Так, по крайней мере, мне кажется.

С любовью создавала в пьесе Ю. Габриловича и С. Розена «Счастливый муж» образ Зои. Внешне она — важная, профессор, довольно бесцеремонная, привыкшая оскорблять других, а в душе — человек тонкий, чуткий. Снова пришлось на помощь это спасительное «почему?». Я старалась понять, зачем ей эта маска, почему она не может быть такой, как велит ей природа.

Очевидно, долго будет жить во мне комиссар из «Оптимистической трагедии» В. Вишневского, сыгранный одиннадцать лет назад. Я привыкла играть в комедиях, водевилях, и вдруг — героическая роль! Неожиданно! И еще одна неожиданность — новая форма работы режиссера П. Гайдиса. Мы начали работать этакими — методом действенного анализа.

«Вот представь себе, Гайгалайте, — говорит режиссер, — что ты не комиссар, не актриса, а попросту Гайгалайте. И очутилась в такой ситуации. Как из нее выйти достойно, как вести себя?» Пришлось применять эту отмычку каждого художника — «почему?», и не к роли, а, в первую очередь, к себе. Так я начала самоуглубляться, концепция этой женщины стала моей собственной, ее восприятие мира — моим. Не знаю, как мне удалось эта роль, но это была этапная работа, духовно обогатившая меня. Я и сейчас еще повторяю про себя целые сцены из спектакля, монолога.

Когда работаешь в театре, всякое бывает. И радостные минуты, и разочарования. Если наступает трудный час, я беру с собой сына, и мы оба едем к морю — неважно, зимой или летом. Я хожу по взморью или по лесу, и ветер выдувает всю тревогу. Сердце снова наполняется желанием работать. Увы, крылья моей Синей Птицы не из легких.

И все же я не могу представить свою жизнь без этой постоянной тревоги, без внутреннего страдания, без вечного «почему?» и без своего кредо — в человеке искать человека.